

Людмила Мартова

СТРАСТЬ НА ГРАНИ

МОСКВА
2024

**Читайте любовно-детективные романы
Людмилы Мартовой в серии «Желание женщины»:**

Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Мадам будет в красном
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Туман над темной водой
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
Тайну прошепчет лавина
Запретные воспоминания
Поместье с привидениями
Игра в убийство
От звезды и до воды
Стереть из памяти
Каждому по заслугам

ПЯТЬ ПОДРУГ

Приворот для Золушки
Судьба зимней вишни
Визитка злой волшебницы
Вакансия третьего мужа
Мой любимый сфинкс
Дьявол кроется в мелочах
Одна смертельная тайна

ДЕТЕКТИВНЫЕ МИРЫ НИКИТЫ ЧАРУШИНА

В Коктебеле никто не торопится
Первый шаг к мечте

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ БРАТЬЕВ МАКАРОВЫХ

Лунная дорога в никуда
Алая гроздь турмалина
Роковое завещание

КРУЖЕВА СУДЬБЫ СНЕЖАНЫ МАШКОВСКОЙ

Кружевное убийство
Танец кружевных балерин

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Рассвет наступит незаметно
След на весеннем снегу

Людмила Мартова

СТРАСТЬ НА ГРАНИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Редактор серии А. Антонова

Оформление серии Я. Клыга

Мартова, Людмила.

М29 Стрость на грани / Людмила Мартова. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-205615-4

Путь к счастью нередко бывает тернистым. Лера Соболева, неуверенная в себе, затюканная бывшим мужем и стесняющаяся своей полноты, в полной мере ощутила это на себе: с недавних пор ее жизнь превратилась в непреодолимый страх. Бесконечные придирки нового начальника, автомобильная авария, нападение неизвестного... Вдобавок она сама и члены ее семьи начали получать непонятные «подарки»: павлиньи перья, тушку кролика, кроличьи лапки... А потом в музее-усадьбе «Горки», где работала Лерина мама, случилось два убийства подряд. Тогда Лера поняла: все происходящее связано с давними семейными тайнами, ведь когда-то ее дед, бывший председателем колхоза, нашел на территории усадьбы дворянского рода Ланских сундук со старинными изразцами, и больше их никто никогда не видел...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205615-4

© Мартова Л., 2024
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2025

*С любовью и благодарностью моему мужу,
который уже больше двадцати лет
позволяет мне делать все,
что я считаю нужным*

ПРОЛОГ

1665 год

Мастер был доволен. Отойдя от раскаленного горна, он внимательно осмотрел получившиеся плитки. Все они удались на славу — с точными линиями, богатыми красками и живостью образов. Из сияющих четырехугольников складывался выпуклый красочный узор. В центре каждой плитки располагалась белая раскрывшаяся чаша, обрамленная желтоватого цвета венком. Два голубых стебля, прописанных точно над венком, затем зеленые и голубые цветы — плитка дышала, будто напоенная силой травы и летнего ветра.

Промежутки между изразцами он заполнит нанесенными на темно-голубой фон зелеными, белыми и желтыми ветвями, сочными, полными радости и красоты. Зимой, когда церковная кровля покроется белым снегом, изразцовый узор будет особенно радовать глаз, напоминая о луговой траве и раскрывающихся ранним предрассветным утром кувшинках.

Мастер отложил плитки и вышел из оборудованной на скорую руку гончарной мастерской на улицу. В небесной сини растворялась белизна только что построенного храма, для отделки которого его и пригласил владелец усадьбы. Да что там пригласил — выпросил у могущественного патриарха Никона его лучшего ценщика! А тот разве посмел бы ослушаться?

Хозяйский дом был построен еще не полностью. Сначала возводили именно храм, и Степан в очередной раз

одобрил правильный подход хозяина усадьбы, который Бога чтит больше, чем себя. Березовая роща за церковью шелестела нежной зеленой листвой, напоминая мастеру о Беларуси, где он родился и вырос.

С легкой тоской вспоминал Степан родной Мстиславль, из которого его привез «полоном» князь Алексей Никитич Трубецкой. Да что толку вспоминать о минувших днях! Вряд ли на родине его талант оказался бы востребованным в такой мере, как здесь. Сейчас он уважаемый изразцовых дел мастер, старший среди ценинников. За плечами работа по украшению Новоиерусалимского и Иосифо-Волоколамского монастырей, высоко оцененная самим Никоном, который приблизил его, Степана, к себе.

И свой неповторимый стиль, и авторский рисунок, однажды привидевшийся ему в ночной грезе полусна-полуяви и ставший его визитной карточкой — керамический фриз «павлинье око», — Степан придумал именно здесь, в России. Восемь лет понадобилось на то, чтобы отточить его до совершенства. Именно столько времени ушло, чтобы под патронажем Никона сделать изразцы для Воскресенского собора на Истре.

И вот он здесь, в усадьбе Артемия Болдырева, чтобы повторить свой шедевр на храме рядом с господским домом. Недешево это обходится, ну да у богатых, как известно, свои причуды. Может быть, он даже согласится выложить «павлинье око» на печи в главной усадебной зале. Почему бы и нет? Но это будет единственный дом в России, да и в мире, пожалуй, где подобная техника будет использована на печи.

Еще раз вдохнув запах свежеебожженной плитки, на которой цвел цветок граната, дающий неуловимое сходство с глазом заморской птицы павлина, Степан прикрикнул на отвлекшихся подмастерьев и принялся за работу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ноль внимания

*Все, что ты можешь,
это быть готовой к лучшему.
Чтобы, когда это лучшее придет,
пригласить его зайти,
потому что ты нуждаешься в нем.*

Нина Добрев

Тридцатичетырехлетняя женщина, которая весит восемьдесят девять килограммов и воспитывает двоих детей, оставшихся ей в наследство после бурного и тяжелого развода, не имеет ни малейшего шанса на новое замужество.

Лера Соболева была полностью согласна с этой прописной истиной, о которой ей постоянно твердили бабуля и жизненный опыт. Им обоим Лера привыкла доверять. Ни бабуля, ни жизненный опыт ее никогда не подводили.

Тем не менее в данный момент она стояла на мохнатом, не первой свежести ковре перед распорядительницей городского ЗАГСа и сочеталась законным браком. Ее брали в жены вместе с восьмьюдесятью девятью килограммами, Степкой, Антошкой, возом неразрешенных проблем и кучей комплексов, терпеливо и любовно возвращенных предыдущим мужем.

Бабуля, стоя в первом ряду гостей, аккуратно утирала слезы скомканным кружевным платочком. Степка и Антош-

ка, одетые в строгие костюмы с бабочками, с независимым видом рассматривали огромный зал с лепниной под потолком. А жизненный опыт был решительно упрятан под складки свободного белого платья, и Лера строго следила, чтобы в самый неподходящий момент он ненароком не вылез, а она сама вследствие этого ничего не учудила. Она вполне могла бы сбежать с собственной свадьбы. С нее бы стало.

«Может, он все-таки извращенец?» – размышляла она, поглядывая на стоящего рядом мужчину, то есть теперь уже мужа, которому на ее жизненный опыт вкупе с килограммами было решительно наплевать.

Муж на извращенца был не похож. Обычный среднестатистический мужик, работающий сменами в МЧС. Высокий, плотный, достаточно упитанный, с начинающими редеть волосами. По вечерам он любил выпить бутылочку пивка, в выходные благосклонно относился к затеянному Лерой пирогам, с Антошкой собирал модели самолетов и фрегат, а Степке подарил первый в его жизни айфон. Дети его обожали и слушались гораздо лучше, чем мать.

– Зачем я тебе? – регулярно спрашивала у мужа, тогда еще потенциального, Лера, которая прекрасно понимала, что как подарок судьбы не может рассматриваться даже в первом приближении.

– Да люблю я тебя, идиотку, – неизменно отвечал он.

«Может, и правда любит», – уныло думала Лера, разглядывая себя в большое зеркало, намертво вмонтированное в стенной шкаф-купе. Если бы зеркало можно было выдрать без ущерба для дорогостоящей мебели, Лера обязательно бы это сделала. Зеркала она ненавидела так же сильно, как свое в них отражение.

Мужа звали Олег Золотов. Познакомились они у общих друзей, которых, как потом выяснилось, и друзьями-то было назвать трудно. Леру затащила туда старая, с детских лет, подружка Злата, недавно вышедшая замуж за какого-то потрясающего мужика, чуть ли не олигарха, и ставшая вследствие этого Аржановой¹.

Идти в гости Лера категорически не хотела. С утра она опять выясняла отношения с теперь уже бывшим мужем, который наматывал ее нервы на кулак почище корабельного каната. Она уже и поплакать успела над своей ничемной жизнью, и пожалеть себя, и от души позлиться, что уродилась такой во всех отношениях неудалой. На работе у нее все валилось из рук, и новый начальник цеха смотрел на нее совсем уж неодобрительно. Конечно, то, что Лера его раздражает, было понятно с самого начала, но сегодня его неудовольствие было совсем уж выразительным. Оно было таким густым, что его можно было резать ножом, как хорошее масло.

Уж в чем в чем, а в масле Лера разбиралась, потому что институт закончила по специальности «технолог молочного производства», и цех, в котором работала, был одним из цехов молочного комбината, лучшего в области.

В общем, позвонившая в самый разгар ее плохого настроения Злата оказалась очень некстати, но отцепиться от нее было совершенно невозможно. Если Злата считала, что поступает правильно, остановить ее мог только новоиспеченный муж, да и то не всегда.

Так Лера оказалась в какой-то чужой квартире, за одним столом с людьми, которые, за исключением Златы,

¹ Подробнее в романе Людмилы Зарецкой «Мой любимый сфинкс».

были ей совершенно незнакомы. И неинтересны. Впрочем, довольно быстро выяснилось, что один из мужиков, представившийся Олегом, очень даже занятный собеседник. Настолько, что где-то через полчаса они вдвоем тихонько смылись из гостей, чтобы съездить к церкви Успения Пресвятой Богородицы и на месте разрешить спор по поводу некоторых атрибутов ее убранства. Лера знала про церкви все, потому что диссертация ее мамы-искусствоведа как раз касалась убранства церквей. Но в данном конкретном споре неожиданно победил Олег, вдоволь насмеявшийся над ее непомерным удивлением этим обстоятельством.

Как-то так получилось, что они оказались у нее дома и долго и обстоятельно пили чай на кухне, отогреваясь после прогулки по морозным улицам. И как-то уж совсем незаметно для Леры новый знакомый воспользовался тем, что дети в связи с зимними каникулами были отправлены к бабушке, и остался ночевать. Аккурат к концу каникул он уже перебрался в соболевскую двушку с вещами. Лера даже глазом моргнуть не успела.

Больше всего ее поразило, что ради ее сомнительных прелестей Золотов оставил вполне себе приличную жену сорок шестого размера. К жене прилагалась еще и дочь – нежное создание шестнадцати лет, и наличие дочери Леру мучило особенно. Она искренне верила, что на чужом горе счастья не построишь. Но Олег все ее аргументы развеял в один присест, сразу заявив, что «любит ее, идиотку».

Спустя два месяца он получил развод, а еще через месяц они поженились. Такое стремительное развитие событий Леру пугало чрезмерно, но воля ее была парализована еще в баталиях с первым супругом, поэтому она сдалась на

милость победителя, который ей, как на грех, сильно нравился.

В том, как он, похрапывая, спал, как ел, как пил свое пиво, как целовал ее, Леру, было что-то настоящее. Мужское. Он все делал основательно и со вкусом, начиная от прибивания всего того, что требовалось прибить в ее доме, оставшемся без мужского пригляда, до занятий любовью, которые доводили Леру до полного умопомрачения. Она даже не знала, что в постели с мужчиной положено испытывать такие ощущения, и уж совершенно точно была убеждена, что ни на что подобное не способна.

Они вместе гуляли по парку, подкармливая отошавших за зиму белок. Вместе водили детей смотреть на ледоход. Вместе пили вино в маленьком подвальчике неподалеку от дома. Вместе жарили по вечерам картошку. И вместе придумывали «казнь египетскую» для Лериного начальника цеха, который продолжал всячески выказывать ей свое нерасположение. Ей было искренне непонятно, отчего он на нее так взъелся, потому что работником она была неплохим. Даже хорошим.

В отличие от начальника, который ее постоянно нервировал, новый муж распространял спокойствие и негу. Вот только легкая фантастичность происходящего и легкая же тревога, что все это может в одночасье кончиться, мешали Лере полностью расслабиться и получать от жизни удовольствие.

– Дурында ты, – смеялась подруга Злата. – Все же хорошо. Живи и радуйся. Нет, надо обязательно в черные тона все окрашивать.

– У меня тревожность повышенная, – слабо оправдывалась Лера. – Кроме того, знаешь, я, как ветеран боевых

действий, имею неуравновешенную психику, искалеченную войной. И тот факт, что боевые действия я вела со своим законным супругом, ничего не меняет. Мне нужен курс реабилитации.

– Вот твой Золотов и устроит тебе этот самый курс, – убежденно сказала Злата. – Лерка, он хороший. И действительно тебя любит. Что тебе кажется странным?

– Меня невозможно любить! – вскинулась Лера. – Я толстая. У меня двое детей, которые все время что-то спрашивают, роняют, бьют и жутко шумят. Тихий семейный вечер в нашей квартире просто невозможен, понимаешь?

– А с чего ты взяла, что ему нужен тихий семейный вечер? – пожала плечами Злата. – Может, ему как раз нравится весь этот шум и гам. Мальчишки у тебя прекрасные. Шkodные, конечно, но добрые. А то, что тебя невозможно любить, так это глупость какая-то несусветная. Ты бы для начала сама себя полюбила – глядишь, и все остальные бы подтянулись. Тем более что двое уже есть.

– Какие двое? – насторожилась Лера.

– Я и Золотов.

– Ну, тогда уж и Степка, и Антошка, и мама, и бабуля.

– Вот видишь. Людей, которые тебя любят, очень много. Так что не кисни, – бодро заключила Злата.

Лера всеми силами старалась следовать совету подружки и не киснуть, но нет-нет да сбивалась на мысль, зачем она нужна Олегу, да еще так сильно, чтобы на ней жениться. Ей казалось, что свадьба, крики «горько», звон бокалов с шампанским происходят в каком-то сне и что она вот-вот проснется и вернется к реальности, в которой ничему этому нет и не может быть места.

От своих мыслей она очнулась лишь в тот момент, когда муж попытался взять ее на руки, чтобы снести вниз по лестнице. И забилась у него в руках, как подстреленная птица, чтобы не дать ему упасть вместе со своей неподъемной ношей, не позволить опозорить себя перед родней и друзьями, не дать подчеркнуть лишний раз, какая она тяжелая и...

– Если ты перестанешь елозить, мне будет гораздо легче, – шепнул он ей в ухо и понес как пушинку, ступая уверенными шагами и не выражая ни малейшего намерения уронить ее или упасть самому.

Все-таки он был очень основательный мужик, этот самый Олег Золотов, и она вдруг сильно обрадовалась тому, что он придумал на ней жениться.

«Может, я зря боюсь? – мелькнуло у нее в голове, и она покрепче вцепилась ему в плечо, устраиваясь поудобнее. – Все обязательно наладится!»

* * *

«Все обязательно наладится», – думала Татьяна Ивановна, обходя свое большое и требующее неусыпного контроля хозяйство.

Уникальный памятник истории, культуры и архитектуры, построенная в середине семнадцатого века и заметно реконструированная в веке девятнадцатом усадьба Горка, более известная по имени своих многовековых владельцев дворян Ланских, была единственным местом в области, где сохранились все хозяйственные постройки: барский дом, дом управляющего и садовника, людские избы, амбары,

конюшни, жеребятник, маслодельня и даже шорная мастерская.

Все это, конечно, находилось в ужасном состоянии, но в 1991 году усадьба была передана в собственность областного музейного объединения, Татьяна Ивановна взяла на свои плечи тяжкий труд реставрации и реконструкции, и вот уже почти четверть века была здесь бессменным директором.

Она улыбнулась, вспоминая, с какой малости приходилось начинать. Но сегодня реставрационные работы были практически закончены, даже барский дом полностью восстановили. Внутри его сохранилось анфиладное построение, лестница, ведущая на второй этаж, с перилами и точеными балясинами, филенчатые двери, кафельные печи. Почему-то только главная печь в центральной гостевой зале была без изразцов. Это указывало на какую-то загадку, но разгадывать ее было некогда, поэтому печь восстановили, прочистили дымоходы и просто побелили. Про себя Татьяна Ивановна решила, что когда-нибудь, когда позволят финансы, обязательно закажет на печь новые изразцы, хотя бы отдаленно напоминающие старинные.

Усадьба располагалась за городом, на высоком и обрывистом берегу Волги, откуда и пошло ее название – Горка. Владельцы усадьбы Ланские были близкими родственниками того самого генерала Ланского, за которого вышла замуж вдова Пушкина Наталья Николаевна. Татьяне Ивановне было приятно думать, что, возможно, красавица Натали Гончарова когда-то приезжала сюда, ходила по дорожкам старого парка, точнее, березовой роши, которая была любовно выращена перед расположенным рядом с барским домом храмом.

Храм был еще старше, чем барский дом. Возведенный в семнадцатом веке, он не подвергался перестройке и был разрушен гораздо сильнее. Одетый в строительные леса, он медленно восстанавливал свой первоначальный облик, вот только из-за вечной нехватки финансирования работы продвигались медленно. Слишком медленно. И Татьяна Ивановна все чаще молилась о том, чтобы Господь послал ей силы довести начатое до конца, передать усадьбу в другие руки в полном ее великолепии.

О том, чьи это будут руки, Татьяна Ивановна старалась не думать. Дело всей ее жизни могло быть в одночасье разрушено первым же нерадивым директором или корыстолюбивым чиновником. Барская усадьба оставалась лакомым кусочком для нуворишей, которые, не стесняясь, изъявляли желание здесь жить, и только статус федерального памятника пока еще хоть как-то спасал усадьбу от их захватнических поползновений.

Земля неподалеку, где когда-то располагались пашни и заливные луга самого крупного в области колхоза, давным-давно была переведена из сельхозугодий в землю для индивидуального строительства. Со второго этажа барского дома виднелись ярко-красные крыши крутых особняков, владельцы которых не особенно гордились тем, что им довелось жить в историческом месте.

Не все, правда. К примеру, восстановление храма велось на деньги жившего здесь предпринимателя Петра Карасева. А многие экспонаты в барский дом приобрела на свои средства и передала в дар музею владелица строительной фирмы Элеонора Бжезинская, да и многие другие помогали, понемногу внося вклад в общее дело.

Но были и такие, с кем Татьяне Ивановне приходилось, в прямом смысле слова, воевать, чтобы они не пытались захватить принадлежащую музею территорию, не разрешали своим детям обирать яблоки, залезая на старые яблони фруктового сада, а главное – не вырубали защитную полосу из высаженных в конце семидесятых годов двадцатого века канадских кленов, со всех сторон обрамляющих усадьбу, заросшие колхозные поля и состоящий из особняков поселок.

Клены посадил ее отец. И Татьяна Ивановна, как коршун, зорко оберегала каждое дерево, не ленилась ходить на собрания в администрацию поселка, отстаивать правду в областной администрации и комитете по экологии. Пока победителем всегда выходила она. Несмотря на маленький рост, хрупкость фигуры, сохранившей девичью легкость, несмотря на приближающийся пятидесятипятилетний юбилей, тихий голос и интеллигентность, характер Татьяна Ивановна имела решительный и неизменно добивалась того, чего хотела.

Сейчас она хотела приобрести оборудование для шорной мастерской. Идея состояла в том, чтобы запустить в усадьбе интерактивную программу с катанием на лошадях, изготовлением шор по старорусской технологии, распиванием домашнего кваса, а также обязательным посещением магазинчика, торгующего изделиями из кожи. Выведение музея на самоокупаемость было ее мечтой. Альфой и омегой.

Пока дело не сдвинулось с мертвой точки, потому что собрать нужное количество чиновных закорючек на нужном количестве бумаг никак не получалось. Но Татьяна Ивановна и не думала сдаваться.

– Все обязательно наладится! – снова повторила она, зашла в барский дом, чтобы осмотреть его перед началом нового экскурсионного дня, и практически сразу наткнулась на разбитое окно в гостевой зале.

Грязные следы на полу со всей очевидностью доказывали, что ночью здесь кто-то был.

– Марина, Марина! – позвала Татьяна Ивановна, у которой в ушах запульсировала кровь. Взлом барского дома был происшествием вопиющим и требовал принятия экстренных мер. На крик в зал вбежала ее заместительница, а по совместительству – экскурсовод Марина. – Кто вчера дом закрывал?

– Я, Татьяна Ивановна, – девушка с недоумением смотрела на начальницу. – Это же всегда я делаю.

– А ты на охрану дом поставила?

– Нет, – недоумение в голосе Марины сменилось легкой тревогой. – Татьяна Ивановна, мы же с вами сами решили пару дней назад, что, пока датчики не отремонтируем, делать этого не будем. Неужели вам не надоело каждую ночь по тревоге вскакивать?

Установленная недавно новая сигнализация действительно была настроена таким образом, что включалась от малейшего ветра. Почти каждую ночь Татьяне Ивановне, которая жила в собственном доме на участке, граничащем с усадьбой, приходилось вскакивать с постели и вместе с вневедомственной охраной приезжать на объект, чтобы убедиться, что все в порядке.

От постоянного недосыпа она так измучилась, что согласилась на разумное предложение Марины не включать сигнализацию, пока фирма-поставщик неотрегулирует датчики. Работы должны были провести на следующей